

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

Он поэт,
Она — совсем земная.
Оба юны.
Оба влюблены.
Ласковую травку приминая,
Шли они
                    в присутствии луны.

Он, экстравагантное создание,
Прошелтал:
— Я все тебе дарю —
Это голубое мирозданье,
Млечный Путь
                    и позднюю зарю!

Улыбнулась девушка:
— Спасибо... —
Звезды неба вспыхнули над ней.
Но она с лукавинкой спросила:
— А нельзя ль
                    подарка
  поземней?

Тут поэт опять-таки увлекся,
Прислонившись к милому плечу:
— Я тебе,
                    как сказочные флоксы,
Подарить цветы реклам хочю.

Я тебе дарю огни вокзала,
Светофоры, фары, фонари!..
А она вздохнула и сказала:
— Ты мне
                    лучше
                                ландыш
  подари...

Веселую шутку можно убить рассуждениями. Скажу одно: для веселых шуток нужно иметь особенный талант, каким обладает Сергей Смирнов.

Поэт написал стихотворение. Мы часто не задумываемся, почему он написал именно это стихотворение, а не другое, почему, например, у Ал. Яшина появился этот жалостливый к зверям и птицам мотив? «Ничего особенного, — ответил на это знаток его творчества, — Яшин всегда был близок к природе. И лисицы и зайцы давно петляют в его стихах. Помните, как он стрелял в лису, да не убил? А про зайчика?»

Шла я нынче займкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зайчк
Вывертов наделал.

Это было написано еще в тридцать шестом году, что же удивительного, если теперь он пишет о том же? Все это, возможно, было бы так, если бы стихотворение «Не верю, что звери не говорят...» не примыкало к большому кругу его стихов, написанных за последние два-три года. В качестве эпиграфа к этому циклу можно поставить строчку, взятую из одного стихотворения этого цикла: «Спеши-те делать добрые дела!»

Стихи этого круга писались в пору, когда нашу поэзию захлестнула волна лирических покаяний. Каяться стали и старые и молодые. Даже те, кто по молодости еще не успел согрешить. Отдал этому дань и Ал. Яшин. Внутренний повод к этому, видимо, у поэта был. Да это и неважно. Любой повод хорош для того, чтобы внимательно заглянуть в себя, пристальней посмотреть на окружающее и сказать:

Мне, сильному, только
                    добрее, и проще,
И человечней хочется быть.

НАМ ПОСТИГАТЬ ИНЫЕ МИРЫ...

Не верю, что звери не говорят,
 Что думать не могут певчие птицы,
 Что только инстинкты у хитрой лисицы
 И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
 Укрыться под хвойный густой наряд
 Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
 Предубежденность на время откинув,
 И в сердце не будет места гордыне,
 Вас трепет и робость охватят вдруг.

Достоин ль царя природы —
 делить

Всех в мире живущих
 На высших и низших?
 Порой и владыки разумом нищи,
 Все относительно, может быть?

Высокомерие не к лицу
 Ни великану,
 Ни мудрецу.
 В сосновом бору,
 В березовой роще,
 Где так многогранно желанье жить,
 Мне, сильному, только добрей, и проще,
 И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
 Чудес неоткрытых еще немало..
 Боюсь, чтоб кичливость не помешала
 Нам постигать иные миры.

И все-таки, прочитав до конца стихотворение, задумываешься: а не перехлестывает ли поэт в своей навязчивой идее самобичевания? Ну, покайся перед людьми — и ладно, но нельзя же из желания равенства со всем живущим на земле — с зайцем, например, — вставать на колени. Я сознательно огрубляю философский смысл этого стихотворения.

Любой призыв поэта к доброте и простоте читатель будет приветствовать. «Пусть перехлестнул, — скажет иной, — поэты любят перехлестывать!» Но заключительные строчки стихотворения заставят его снова вернуться к прочитанному:

Боюсь, чтоб кичливость
 не помешала
 Нам постигать иные миры.

Кичливость действительно способна помешать многому. Но постижение иных миров не очень-то добренькое предприятие, если доброту понимать в смысле яшинского стихотворения. Ради постижения иных миров нам, например, пришлось принести в жертву собаку «Лайку». И это было сделано не из чувства пренебрежения «высшего» к «низшему» существу. На пути к великим тайнам гибнут и гибнут люди. Хорошо сказал Яшин: «Спешите делать добрые дела!», но при этом не следует забывать, что добрые дела подчас требуют суровости.

В основе поэзии Виктора Бокова лежит фольклорно-песенное начало. Оно сказывается в словаре поэта, но особенно в ритмике стиха. Вы читаете его «Двадцать тапочек» и ловите себя на том, что эти стихи начинают петься. Но вот совершенно другая тема: «Скоростница». Ощущение то же самое. И неудивительно. В. Боков — один из неутомимых собирателей русских народных песен. Знание народного быта придает его стихам и песням лирическую теплоту. Большинство его стихов построено на бытовых деталях. Даже такому огромному понятию, как Европа, поэт придал совершенно бытовой характер:

Постыдились бы Европы,
 Что вы курите полдня?

Здесь Европа подана на уровне прораба, которым можно пристыдить злостных курильщиков.